

ПЛЕННИЦА-ЗЛОДЕЙКА ДЛЯ ЧЁРНОГО ЯСТРЕБА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

УЛЬЯНА СОБОЛЕВА

Ульяна Соболева

**Злодейка-пленница
для Черного Ястреба**

«Автор»

2026

Соболева У.

Злодейка-пленница для Черного Ястреба / У. Соболева —
«Автор», 2026

Московский историк Вероника Волкова изучала геноцид индейцев XVIII века, пока старинный медальон не перенес ее в тело Виолетты Харрингтон — дочери британского полковника, чьи солдаты только что вырезали целую деревню делаваров. Захваченная в плен выжившими воинами, она должна умереть мучительной смертью за грехи отца. Но Черный Ястреб, потерявший в резне жену и ребенка, оставляет золотоволосую пленницу себе. Между жаждой мести и запретным желанием, между ненавистью к белым убийцам и любовью к их дочери — тонкая грань, переступив которую, уже невозможно вернуться.

© Соболева У., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	18
Глава 6	22
Глава 7	26
Глава 8	30
Глава 9	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Ульяна Соболева

Злодейка-пленница для Черного Ястреба

Злодейка-пленница для Черного Ястреба

Ульяна Соболева

Аннотация:

Московский историк Вероника Волкова изучала геноцид индейцев XVIII века, пока старинный медальон не перенес ее в тело Виолетты Харрингтон — дочери британского полковника, чьи солдаты только что вырезали целую деревню делаваров. Захваченная в плен выжившими воинами, она должна умереть мучительной смертью за грехи отца. Но Черный Ястреб, потерявший в резне жену и ребенка, оставляет золотоволосую пленницу себе. Между жадой мести и запретным желанием, между ненавистью к белым убийцам и любовью к их дочери — тонкая грань, переступив которую, уже невозможно вернуться.

Глава 1

Москва задыхалась в февральской слякоти. Вероника Волкова сидела в пустом архиве Института всеобщей истории, и единственным звуком в мертвой тишине было тиканье старых часов на стене. Половина одиннадцатого. Давно пора было убираться домой, но она не могла оторваться от документов.

Еще один день в поисках правды, которую никто не хотел знать.

Перед ней лежали фотокопии дневников британских офицеров XVIII века — свидетельства такой жестокости, что желудок сжимался в комок. Полковник Реджинальд Харрингтон описывал свои «подвиги» с откровенностью психопата.

«15 октября 1756 года. Деревня дикарей уничтожена полностью. Потери с нашей стороны — двое раненых. Их женщины кричали особенно пронзительно. Сожжены 23 вигвама, убито около восьмидесяти дикарей всех возрастов. Виолетта выказала похвальное рвение — лично допросила трех пленных женщин, выведав расположение других деревень. Методы были... эффективными. Горжусь дочерью — настоящая Харрингтон».

Виолетта. Дочь этого мерзавца. Вероника потратила два года, изучая ее судьбу. Девятнадцатилетняя аристократка, которая по жестокости превзошла даже отца. В дневниках полковника она упоминалась как «мой верный помощник в деле усмирения дикарей».

Архивы хранили показания выживших индейцев — те немногие, кто смог дать свидетельские показания британским властям. Они описывали золотоволосую девушку, которая лично пытала пленных, выжигая им глаза раскаленным железом, отрезая пальцы по суставам. «Белая дьяволица», — называли ее делавары.

И эта тварь бесследно исчезла после одного из рейдов. Официальная версия — похищение индейцами. Но Вероника подозревала другое. Возможно, кто-то из выживших все-таки добрался до садистки.

— Сволочи, — прошептала Вероника, листая пожелтевшие страницы. — Убивали детей и называли это войной.

В ее диссертации была целая глава о «семейном бизнесе» Харрингтонов. Отец и дочь работали в тандеме — он организовывал рейды, она занималась «извлечением информации» из пленных. Методах, которые даже по меркам XVIII века считались чрезмерно жестокими.

Но больше всего Веронику потрясло письмо Виолетты к тетке в Лондон: *«Дорогая тетушка Маргарет! Вчера мне удалось заставить индейскую ведьму выдать местоположение их священного захоронения. Пришлось отрезать ей язык, но результат того стоил. Папочка так гордился! Эти дикари думают, что боль — это нечто особенное. Как же они ошибаются...»*

Кофе в термосе давно остыл, но она машинально делала глоток за глотком. На столе громоздились стопки документов, карты, фотографии артефактов из музеев Лондона и Нью-Йорка. Вся ее жизнь поместилась в этих папках.

Тридцать лет. Кандидат наук. Никого, кроме работы.

Мама всегда говорила: «Ника, ты слишком много думаешь о мертвых. Подумай о живых». Но мертвые не давали покоя. Особенно те, кого убили с особой жестокостью ради развлечения. Виолетта Харрингтон пытала людей не ради информации — ради удовольствия.

Вероника потянулась к последней папке — «Личные вещи семьи Харрингтон». Лондонский музей прислал фотографии предметов, найденных при раскопках форта. Пуговицы, обломки оружия, женские украшения...

И медальон.

Она застыла, разглядывая снимок. Золотой медальон размером с ладонь, покрытый странными символами. В сопроводительном письме куратор музея сухо сообщал: «Найден в личных покоях полковника Харрингтона. Символы неидентифицированы, предположительно — индейские руны или оккультные знаки».

Но Вероника узнала эти символы. Месяцы изучения культуры делаваров не прошли даром. Это были священные знаки — проклятия, которые шаманы наносили на предметы, принадлежавшие убийцам их народа. Знаки возмездия.

Что, черт возьми, делал проклятый артефакт у британского полковника? И почему его дочь-садистка исчезла именно после того, как медальон попал в их дом?

Она перевернула фотографию. На обороте — пометка куратора: «Передан в частную коллекцию господина Уильяма Седжвика, Лондон, 2019 год».

Вероника нахмурилась. Частная коллекция? Значит, увидеть медальон вживую не получится. Но адрес был указан.

Не раздумывая, она достала телефон и нашла сайт коллекционера. Седжвик оказался пожилым британцем, унаследовавшим страсть к артефактам от деда-археолога. На сайте красовались фотографии его лондонского особняка, превращенного в частный музей.

А еще — объявление. Седжвик приезжал в Москву на выставку «Сокровища Нового Света» в Музее изобразительных искусств. И привозил часть коллекции.

Включая медальон Харрингтонов.

Сердце забило чаще. Завтра открытие выставки. Это был знак.

Вероника сохранила адрес и информацию о мероприятии, затем откинулась на спинку стула. За окном падал мокрый снег, превращаясь в грязную кашу на асфальте. Москва спала, но она не могла заснуть. Слишком много вопросов крутилось в голове.

Почему дочь полковника-убийцы, сама не менее жестокая, исчезла именно после резни в деревне делаваров? Что означали символы проклятия на семейном медальоне? И главное — получила ли наконец Виолетта Харрингтон по заслугам?

Вероника собрала документы, засунула их в потертую сумку и направилась к выходу. В последней папке лежала фотография — единственный портрет Виолетты, найденный в архивах. Молодая женщина с золотистыми волосами и холодными голубыми глазами. Красивая. И абсолютно безжалостная.

«Интересно, — подумала Вероника, — больно ли было этой суке, когда индейцы наконец добрались до нее?»

У выхода она обернулась. Где-то в этих стенах хранились тысячи историй — печальных, жестоких, забытых. История Виолетты Харрингтон была лишь одной из них. Но почему-то именно эта история не давала покоя.

Может быть, потому что Вероника чувствовала странную справедливость в судьбе той девятнадцатилетней садистки. Историк, посвятивший жизнь изучению жертв геноцида, и аристократка, лично убившая десятки невинных. Две женщины, разделенные тремя столетиями, но связанные кровью — той, что Виолетта пролила, и той, за которую Вероника требовала ответа.

На улице хлестал ледяной дождь. Вероника подняла воротник пальто и поспешила к метро. Завтра она увидит медальон. Завтра, возможно, найдет ответы.

Она не знала, что завтра изменит ее жизнь навсегда.

На следующий день

Музей изобразительных искусств гудел от посетителей. Открытие выставки «Сокровища Нового Света» привлекло толпы любителей истории, коллекционеров и просто любопытных. Вероника протиснулась через толпу к стенду с британскими артефактами.

И увидела его.

Медальон лежал в стеклянной витрине под мягким светом лампы. Живьем он выглядел еще более загадочным — золото мерцало, а символы словно пульсировали в глубине металла.

— Красивая вещица, правда?

Вероника обернулась. Рядом стоял пожилой мужчина в дорогом костюме — явно сам Седжвик.

— Очень, — ответила она. — А что известно о его происхождении?

Седжвик пожал плечами.

— Семейная реликвия Харрингтонов. Полковник, видимо, отобрал у индейцев во время одного из рейдов. Хотя символы не похожи на обычные индейские амулеты. Слишком сложные, слишком... мрачные. Местные историки считают, что это какое-то проклятие.

— Проклятие?

— Ну да. Забавно, правда? И ведь работает — вся семья Харрингтонов вымерла при странных обстоятельствах. Полковника нашли мертвым в собственном кабинете без видимых причин смерти. А его дочь и вовсе исчезла.

— Можно его потрогать?

Старик удивленно взглянул на нее.

— Боюсь, что нет. Слишком ценная вещь. А вы...?

— Историк. Пишу диссертацию о военных преступлениях семьи Харрингтонов.

— А! Тогда понятно. — Седжвик улыбнулся. — Знаете, эта Виолетта была настоящим чудовищем. По архивным данным, лично убила больше индейцев, чем иные офицеры за всю службу. И получала от этого удовольствие.

Сердце заколотилось.

— Это было бы замечательно.

— Отлично. Встретимся здесь же через час, когда поток посетителей схлынет.

Вероника кивнула и отошла от витрины. Час тянулся вечность. Она бродила по залам, рассматривала другие экспонаты, но мысли были только об одном.

Наконец Седжвик появился с небольшим чемоданчиком.

— Пойдемте в служебную комнату. Там тише.

Они прошли в маленькое помещение за основным залом. Седжвик открыл чемоданчик и достал медальон.

— Вот он. Можете взять в руки, но осторожно.

Вероника протянула ладони. Седжвик аккуратно положил медальон ей на руки.

И мир взорвался белым светом.

Последнее, что она помнила — символы на медальоне вспыхнули ярким золотым огнем, а в ушах зазвенело, словно тысяча колоколов. Потом — темнота.

Глава 2

Первое, что почувствовала Вероника, очнувшись, — это запах. Тяжелый, едкий, смесь пороха, крови и чего-то гнилостного. Второе — боль в затылке, словно кто-то расколол череп тяжелым молотом.

Она открыла глаза и увидела потолок из грубых деревянных балок. Не белый гладкий потолок служебной комнаты московского музея. Темное дерево, покрытое копотью, с паутиной в углах.

— Господи, — прошептала она и замерла.

Голос. Это был не ее голос.

Вероника резко села на постели — и мир закружился. Комната плыла перед глазами, но она успела разглядеть детали, от которых кровь застыла в жилах. Каменные стены, маленькое окошко с толстым стеклом, тяжелая дубовая мебель. Все выглядело подлинно старинным, но не музейным. Живым.

И запах. Этот проклятый запах смерти.

Вероника опустила взгляд на свои руки — и чуть не закричала. Тонкие, аристократические пальцы, молочно-белая кожа, никаких мозолей от работы с документами. На безымянном пальце — золотое кольцо с фамильным гербом, которое она видела на портретах.

Кольцо Харрингтонов.

— Нет, — прошептала она чужим голосом. — Нет, нет, нет...

Вероника сбросила одеяло и вскочила с кровати. Ноги подкосились — не привыкшая к длинным юбкам, она запнулась за подол ночной рубашки и рухнула на пол. Кружевные оборки, шелк, корсет — все это чужое, XVIII век, реальность, которой не должно быть.

Она поползла до зеркала в углу комнаты и, цепляясь за резную раму, поднялась на ноги.

То, что она увидела в отражении, заставило ее вскрикнуть.

Золотистые волосы до талии, огромные голубые глаза, точеные черты лица — красота, от которой захватывало дух. Но Вероника видела не красоту. Она видела лицо убийцы.

Виолетта Харрингтон. Белая Дьяволица. Садистка, которая лично пытала десятки невинных людей.

— Боже мой, — выдохнула Вероника, касаясь отражения. — Во что я попала?

Лицо в зеркале было молодым, невинным, с румянцем на щеках. Но Вероника знала правду. Знала, что делали эти нежные руки, какие крики раздавались от прикосновений этих пальцев.

За дверью раздались тяжелые шаги. Вероника отшатнулась от зеркала и попыталась привести себя в порядок. Кто бы ни шел, она должна была притвориться Виолеттой. По крайней мере, пока не поймет, что происходит.

Дверь распахнулась без стука. В комнату вошел мужчина лет пятидесяти, в военном мундире. Седеющие волосы, жесткое лицо, холодные серые глаза. Полковник Реджинальд Харрингтон собственной персоной.

— Наконец-то проснулась, — проворчал он, окидывая дочь оценивающим взглядом. — Думал, ты весь день проспашь после вчерашней работы.

Вчерашней работы. Вероника почувствовала тошноту.

— Я... голова болит, папа.

— Не удивительно. Ты вчера так увлеклась с той ведьмой-делаваркой, что забыла об осторожности. Хорошо, что Сержант Макбрайд вовремя остановил тебя, а то бы она умерла слишком быстро.

Полковник говорил об этом как о рабочих моментах. Буднично, без эмоций. Вероника сжала кулаки, чтобы руки не дрожали.

— Что... что с ней случилось?

Харрингтон удивленно посмотрел на дочь.

— Ты что, забыла? Ты сама ей глаза выжгла. Правда, пришлось добить утром — до рассвета не дожидаясь. Но информацию мы получили. Молодец, дочка. Твоя мать гордилась бы.

Вероника едва сдержала рвотные позывы. Значит, еще вчера, до ее появления в этом теле, Виолетта пытала женщину. Выжигала ей глаза. И эта женщина умерла в агонии.

— Папа, я... я плохо помню вчерашний день.

— Не удивительно. Ты так вошла в азарт, что казалось, вот-вот потеряешь рассудок. — Полковник усмехнулся. — Но результат того стоил. Эта сука выдала расположение трех деревень. Сегодня мы их зачистим.

Зачистим. Как будто речь шла о грязной посуде, а не о человеческих жизнях.

— Сегодня? — Вероника почувствовала, как по спине пробежал холодок.

— Разумеется. Пока они не поняли, что мы знаем. — Харрингтон подошел к окну и выглянул во двор форта. — Готовься, дочка. Сегодня ты покажешь себя во всей красе.

— Что ты имеешь в виду?

Полковник обернулся, и в его глазах мелькнуло что-то хищное.

— Мы возьмем пленных. Много пленных. И тебе предстоит серьезная работа. Информация о других племенах, о их планах, о тайных тропах — все это нужно выбить из дикарей. А ты у нас в этом деле мастер.

Вероника почувствовала, что земля уходит из-под ног. Он ожидал, что она будет пытать людей. Лично. Своими руками.

— Папа, может быть... может быть, обойдемся без пыток? Просто убьем их быстро?

Полковник так посмотрел на дочь, словно она сказала что-то невероятное.

— Без пыток? Виолетта, ты что, заболела? — Он подошел ближе и положил руку ей на лоб. — Температуры нет. Тогда о чем речь?

— Я просто подумала... христианское милосердие...

— Милосердие? — Харрингтон расхохотался. — К дикарям? Дочка, они убили лейтенанта Уитмора на прошлой неделе. Содрали с него скальп живьем. Какое, к черту, милосердие?

Вероника молчала. Она не могла объяснить отцу-убийце, что пытки — это чудовищно. Что убивать невинных — грех. Что она не та Виолетта, которая получала удовольствие от чужих страданий.

— Ладно, — полковник махнул рукой. — Видимо, вчера слишком переутомилась. Отдохни еще час, потом позавтракай. А в десять выступаем.

Он направился к двери, но остановился на пороге.

— И Виолетта... Возьми с собой свои инструменты. Особенно те щипцы, которыми ты так ловко орудуешь. Сегодня они нам пригодятся.

Дверь захлопнулась, оставив Веронику наедине с ужасом.

Инструменты. Орудия пыток.

Она огляделась по комнате, ища что-то подозрительное. В углу стоял резной сундук, который она раньше не замечала. Вероника подошла к нему на дрожащих ногах и подняла крышку.

То, что она увидела внутри, заставило ее закрыть рот ладонью, сдерживая крик.

Ножи. Десятки ножей разных размеров, от тонких скальпелей до широких клинков. Щипцы для вырывания ногтей. Раскаленные прутья для выжигания. Крючки для... Вероника не хотела даже думать, для чего они предназначались.

И кровь. Засохшая кровь на каждом инструменте.

На дне сундука лежала кожаная сумка. Вероника заставила себя развязать ее. Внутри были... трофеи. Скальпы разного цвета — от черного до седого. Отрезанные пальцы, нанизанные на веревочку как бусы. Человеческие зубы в маленьком мешочке.

Коллекция садистки.

Вероника рухнула на колени рядом с сундуком и ее вырвало прямо на пол. Желудок сводило спазмами, из глаз лились слезы, все тело тряслось в ознобе.

Это делала она. Вернее, тело, в котором она сейчас находилась. Эти руки держали ножи, эти пальцы выжигали глаза, эти губы, наверное, улыбались, слушая крики жертв.

Сколько людей умерло от рук Виолетты? Сколько детей осталось сиротами? Сколько матерей оплакивало сыновей и дочерей, убитых белокурой дьяволицей?

— Я не она, — прошептала Вероника, вытирая рот рукавом. — Я не убийца. Я не садистка.

Но кто поверит? Кто сможет отличить Веронику Волкову, московского историка, от Виолетты Харрингтон, которая собирала человеческие пальцы как сувениры?

За окном раздался звук рога — сигнал к построению. Солдаты готовились к рейду. К новой резне.

Вероника поднялась с пола и закрыла проклятый сундук. Она должна была что-то делать. Не могла просто сидеть и ждать, пока отец поведет войска убивать невинных людей.

Но что? Как объяснить внезапную перемену в дочери-садистке? Как отговорить полковника от резни, не вызвав подозрений?

Она подошла к окну и выглянула во двор форта. Солдаты проверяли оружие, седлали лошадей. Кто-то точил сабли, кто-то заряжал мушкеты. Все готовились к войне.

А где-то в лесах ничего не подозревающие индейцы просыпались для своего последнего дня. Женщины готовили завтрак, дети играли у костров, старики рассказывали легенды.

И все они умрут, если Вероника ничего не предпримет.

Стук в дверь прервал ее мрачные размышления. В комнату заглянула служанка — молодая ирландка с рыжими волосами.

— Мисс Виолетта, полковник велел подать завтрак и помочь вам одеться к выезду.

— Спасибо, Молли.

Девушка удивленно взглянула на нее — обычно Виолетта не удостоивала прислугу благодарностью. Но Вероника помнила это имя из архивных документов. Молли О'Коннор, ирландская служанка, которая позже дала показания британским властям о зверствах в форте Харрингтон.

Девушка внесла поднос с едой и принялась доставать из шкафа одежду. Темно-синее платье, практичное, для верховой езды. Высокие сапоги. Кожаные перчатки.

— Мисс, а можно спросить... — Молли помялась. — Вы правда собираетесь опять... ну, заниматься тем же, чем вчера?

В голосе служанки слышался ужас. Даже слуги боялись того, что делала Виолетта.

— Почему ты спрашиваешь?

— Просто... просто мне снились кошмары, мисс. Я слышала крики из подвала. Всю ночь. Подвал. Значит, камеры для пыток находились в подвале форта.

— Молли, скажи мне честно. Что думают солдаты о... о моих методах допроса?

Девушка побледнела.

— Я не должна сплетничать, мисс...

— Говори. Я не накажу тебя.

Молли нервно облизнула губы.

— Они боятся вас, мисс. Говорят, что даже бывалые вояки не могут смотреть на то, что вы делаете. Сержант Макбрайд сказал, что вы превзошли самого дьявола в жестокости.

Вероника почувствовала, как внутри что-то окончательно сломалось. Даже закаленные войной солдаты содрогались от методов Виолетты. Что же она вытворяла с пленными?

— А что думают местные жители? Поселенцы?

— Они... они молятся за ваши души, мисс. И полковника, и вашу. Говорят, что Бог накажет за такую жестокость.

Накажет. Возможно, уже наказал, послав в тело убийцы душу той, кто всю жизнь изучал преступления против человечности.

— Спасибо за честность, Молли. Можешь идти.

Служанка поклонилась и поспешила к выходу. У двери она обернулась:

— Мисс Виолетта... а вы не могли бы сегодня быть... ну, помягче? А то мне так жалко этих людей...

— Постараюсь, — тихо ответила Вероника.

Когда дверь закрылась, она опустилась на стул и закрыла лицо руками. Что делать? Как остановить резню, не выдав себя?

Но прежде всего — как жить в теле чудовища, зная, что каждый видит в ней убийцу детей?

За окном снова прозвучал рог. Время вышло. Нужно было принимать решение.

Вероника встала, расправила плечи и начала одеваться. Если она попала в это время не случайно, значит, должна что-то изменить. Спасти тех, кого еще можно спасти.

Даже если для этого придется притвориться дьяволом.

Глава 3

Штабная палатка полковника Харрингтона воняла табачным дымом, порохом и потом. За длинным дубовым столом сидели офицеры — загорелые, небритые, с холодными глазами профессиональных убийц. На стене висела карта региона, исчерченная красными отметками. Каждая отметка — сожженная деревня, каждый крестик — место резни.

Вероника стояла у входа, все еще не веря в реальность происходящего. Час назад она завтракала в теле садистки, а теперь должна была участвовать в планировании массового убийства.

— Джентльмены, — полковник ткнул указкой в карту, — благодаря усердию моей дочери мы знаем расположение трех деревень делаваров. Здесь, здесь и здесь.

Капитан Уэсли, шрам от виска до подбородка, ухмыльнулся:

— Мисс Виолетта поработала как надо. Эта ведьма выдала все, что знала.

— И даже больше, — добавил лейтенант Краудер. — Я слышал крики из подвала. Никогда не думал, что женщина может быть такой... изобретательной.

Офицеры смотрели на Веронику с восхищением и легким страхом. Для них она была не девятнадцатилетней девушкой, а опытным мучителем, чьи методы приводили в ужас даже бывалых солдат.

— Виолетта, — полковник обратился к дочери, — расскажи офицерам, что ты выяснила о защитниках деревень.

Вероника почувствовала, как пересохло в горле. Она должна была говорить о людях как о военных целях, хотя каждая клеточка ее тела восставала против этого.

— Я... я плохо помню детали, папа. Может быть, кто-то другой...

— Брось, дочка! — Харрингтон похлопал ее по плечу. — Ты же записывала все со слов пленной. Где твои записи?

Записи. Блокнот садистки с признаниями жертв.

— Я... оставила их в комнате.

— Тогда расскажи по памяти. Сколько воинов в каждой деревне?

Вероника металась взглядом по лицам офицеров. Все ждали информации, которой у нее не было. Но если она солжет или откажется говорить, возникнут подозрения.

— В первой деревне... около двадцати воинов. Во второй — меньше, там в основном старики и женщины. Третья — самая большая, там может быть до сорока бойцов.

Полковник нахмурился:

— Странно. Вчера ты говорила другие цифры. Пятнадцать, десять и тридцать.

Черт. Вероника забыла, что должна помнить "свои" же показания.

— Я... я устала после допроса. Возможно, перепутала.

Капитан Уэсли недоверчиво посмотрел на нее:

— Мисс Виолетта, вы всегда были точны в деталях. Что-то не так?

— Ничего не так! — резко ответила Вероника. — Просто вчера было... тяжело.

— Тяжело? — Краудер усмехнулся. — Обычно вы получаете удовольствие от работы с пленными. Говорили, что это лучше любого развлечения.

Получаете удовольствие. От пыток. От убийств.

Вероника сжала кулаки, чтобы руки не тряслись. Как можно было найти развлечение в чужих страданиях? Как можно было радоваться крикам боли?

— Возможно, мне стоит попробовать другие методы, — осторожно сказала она. — Более... гуманные.

Тишина в палатке стала гробовой. Офицеры переглянулись, словно услышали что-то невероятное.

— Гуманные? — переспросил полковник. — Виолетта, ты серьезно?

— Да. Христианское милосердие, всепрощение...

— К дикарям? — Уэсли хлопнул ладонью по столу. — Мисс Виолетта, они убили лейтенанта Уитмора! Содрали с него скальп живьем! Какое, к черту, милосердие?

— Они защищают свою землю...

— Свою землю? — Полковник выпрямился, и в глазах мелькнула опасность. — Виолетта, эта земля принадлежит Его Величеству королю Георгу. Дикари — нелегальные поселенцы, которых нужно выселить. Любыми методами.

— Но они жили здесь тысячи лет...

— Довольно! — рявкнул Харрингтон. — Не знаю, что с тобой происходит, но прекрати этот бред немедленно. Ты — дочь офицера британской армии, а не какая-то сентиментальная дурочка из Лондона.

Вероника поняла, что зашла слишком далеко. Еще немного, и она окончательно выдаст себя.

— Прости, папа. Я просто плохо спала. Кошмары.

— Кошмары? — Краудер усмехнулся. — О чем могут быть кошмары у человека, который сам кого угодно в кошмар превратит?

— Заткнись, лейтенант, — бросил полковник. — Виолетта, иди отдохни. Но к вечеру приведи себя в порядок. Сегодня нам понадобится твоя... экспертиза.

Экспертиза в пытках. В убийствах.

— Что именно планируется?

— Три удара по деревням одновременно. Возьмем максимум пленных. Нужно выяснить, где прячутся главные вожди, где зимние лагеря, какие у них запасы оружия. — Полковник снова ткнул указкой в карту. — А это, дочка, твоя работа.

— Сколько... сколько пленных планируется взять?

— Человек тридцать-сорок. Мужчины, женщины, дети — не важно. Дети иногда знают больше взрослых. Да и сломать их проще.

Дети. Он говорил о пытках детей как о рабочем процессе.

Вероника почувствовала, что сейчас потеряет сознание. Тридцать-сорок человек, которых приведут связанными в подвал форта. И все будут ждать, что она лично будет их пытать.

— А если они ничего не знают?

— Все что-то знают, — равнодушно ответил Уэсли. — Просто нужно правильно спрашивать. А вы в этом мастер, мисс Виолетта.

— Помню, как вы с тем молодым воином работали в прошлом месяце, — добавил Краудер. — Три дня продержался, сука упрямая. Но на четвертый день запел, как соловей.

Три дня пыток. Молодой воин, который мог быть чьим-то сыном, братом, мужем.

— Что с ним случилось?

— Умер от потери крови, — пожал плечами Краудер. — Но информацию дал полную. Выдал расположение зимнего лагеря. Мы его сожгли на следующей неделе.

Он говорил об этом как о успешной операции. Человек умер в агонии, но это была победа, потому что выдал соплеменников.

— Виолетта, — полковник внимательно посмотрел на дочь, — ты точно в порядке? Выглядишь бледной.

— Все хорошо. Просто... устала.

— Тогда иди отдыхай. А мы продолжим планирование без тебя. — Харрингтон повернулся к карте. — Итак, джентльмены, атакуем на рассвете. Первая группа под командованием капитана Уэсли ударит по северной деревне...

Вероника выскользнула из палатки, едва сдерживая тошноту. На улице было прохладно, но она задыхалась, словно находилась в душной комнате.

Солдаты во дворе форта готовились к войне. Кто-то чистил оружие, кто-то проверял седла. Молодой сержант показывал новобранцам, как правильно пользоваться штыком. Все это выглядело обыденно, буднично.

Подготовка к резне.

Вероника прислонилась к стене и закрыла глаза. Что делать? Как остановить бойню? Если она откажется участвовать в пытках, возникнут подозрения. А если согласится...

Она не сможет. Ни за что на свете не сможет причинить боль невинному человеку.

— Мисс Харрингтон? — рядом остановился молодой офицер. — Лейтенант Бэйли. Мы не были знакомы.

Вероника открыла глаза. Перед ней стоял юноша лет двадцати, с честным лицом и добрыми глазами. Явно недавно прибыл из Англии.

— Здравствуйте, лейтенант.

— Я хотел сказать... то есть, я слышал о вашей работе с пленными... — Бэйли смутился. — Это очень важно для успеха наших операций.

Даже этот мальчишка считал пытки нормальными. Что творилось в головах этих людей?

— Лейтенант, а вы сами участвовали в допросах?

— Нет, мэм. Полковник сказал, что это требует... особого таланта. Которым обладаете только вы.

Особый талант. К садизму.

— А что вы думаете о методах... извлечения информации?

Бэйли помялся:

— Честно говоря, мэм, мне не очень нравятся крики из подвала. Но если это помогает спасти жизни наших солдат...

Спасать жизни, убивая других. Логика войны.

— А если бы существовал способ получать информацию без пыток?

— Это было бы замечательно, мэм. Но дикари слишком упрямы. Они предпочитают умереть, чем предать соплеменников.

Предать соплеменников. А что, если они правы? Что, если верность своему народу важнее собственной жизни?

— Спасибо за разговор, лейтенант.

— Всегда рад служить, мэм.

Бэйли отошел, а Вероника осталась наедине с мрачными мыслями. Через несколько часов начнется резня. Десятки людей погибнут, еще больше попадет в плен. И все будут ждать, что она лично займется их мучением.

Но у нее был план. Отчаянный, почти безнадежный, но единственный способ спасти невинных.

Она должна была предупредить деревню о нападении.

Даже если для этого придется сбежать из форта и рискнуть собственной жизнью.

Вероника выпрямилась и направилась к конюшне. До рассвета оставалось несколько часов. Этого должно хватить, чтобы добраться до ближайшей деревни.

За спиной послышался голос сержанта:

— Эй, парни! Мисс Виолетта куда-то направляется. Наверное, готовит сюрприз для завтрашних гостей!

Солдаты рассмеялись. Для них она была гарантией того, что пленные заговорят. Они верили в ее "особый талант" к причинению боли.

Если бы только знали, что в теле их любимой садистки сидит женщина, которая готова на все, чтобы спасти их жертв.

Глава 4

Вернувшись в свою комнату, Вероника заперла дверь на засов и прислонилась к ней спиной. Сердце колотилось так громко, что казалось, его слышно во всем форте. Через несколько часов начнется резня, а она все еще не знала, как ее остановить.

Но сначала нужно было разобраться с наследием Виолетты.

Сундук с орудиями пыток стоял в углу, словно насмехаясь над ней. Вероника заставила себя подойти и снова открыть крышку. Зрелище было еще более отвратительным при дневном свете.

Ножи всех размеров — от тонких, как иглы, до широких мясницких тесаков. Щипцы с зазубренными краями. Металлические прутья с заостренными концами. Маленький молоток с шипастой головкой. И везде — засохшая кровь, темно-коричневые пятна, которые превратили металл в произведения искусства дьявола.

На дне лежала кожаная книжка. Дневник.

Вероника взяла его дрожащими руками и открыла на случайной странице:

«23 сентября. Сегодня привели молодую женщину из племени онейда. Беременная, месяца на седьмом. Папа сказал, что нужно узнать, где спрятались остальные. Начала с пальцев ног — всегда эффективно. К вечеру она рассказала все, что знала. А еще призналась, что ребенок от белого торговца. Любопытно. Завтра попробую новый метод с раскаленными углями».

Вероника швырнула дневник обратно в сундук и отшатнулась. Беременная женщина. Виолетта пыталась беременную женщину.

Руки тряслись так сильно, что пришлось вцепиться в спинку стула. Как можно было записывать такое? Как можно было планировать новые способы причинения боли?

Она снова заглянула в дневник, листая страницы наугад:

«15 августа. Старик-шаман оказался крепким орешком. Три дня молчал, даже когда я отрезала ему пальцы один за другим. Пришлось перейти к более серьезным мерам. Папа принес мне новые щипцы из кузницы — гораздо удобнее старых. К утру четвертого дня старик наконец заговорил».

«2 сентября. Сегодня привели мальчишку лет двенадцати. Сын вождя. Думала, будет легко, но оказался упрямым, как отец. Пришлось проявить изобретательность. Интересно, сколько боли может вынести детское тело?».

Мальчик двенадцати лет. Сын вождя.

Вероника захлопнула дневник и отбросила его в дальний угол сундука. Больше она не могла читать. Каждая строчка была приговором — не только жертвам Виолетты, но и ей самой.

Потому что теперь она жила в теле этого чудовища.

Кто-то постучал в дверь.

— Мисс Виолетта? — голос Молли, служанки. — Можно войти?

— Да, заходи.

Рыжеволосая ирландка вошла с подносом — чай и легкая закуска.

— Полковник велел подкрепиться перед выездом, — сказала она, ставя поднос на стол.

Взгляд Молли упал на открытый сундук, и девушка застыла. — Господи помилуй...

— Что?

— Мисс, там же... там же кровь на всем... — Молли отшатнулась, прижав руку ко рту. — Я думала, это просто слухи...

Вероника быстро захлопнула крышку сундука.

— Молли, забудь то, что видела.

— Мисс, простите, но я должна спросить... — служанка дрожала всем телом. — Это правда, что вы... что вы собираете части тел?

Прямой вопрос. Никаких обиняков.

— А ты что думаешь?

— Я думаю, что вы больны, мисс. Очень больны. — Молли заплакала. — Моя младшая сестра была такого же возраста, как тот индейский мальчик, которого... которого вы...

— Какого мальчика?

— Все в форте знают, мисс. Двенадцать лет. Три дня кричал в подвале. А потом тишина. — Молли вытерла слезы рукавом. — Я молюсь за его душу каждую ночь.

Мальчик из дневника. Сын вождя.

— Молли, если бы я сказала, что больше не хочу этим заниматься...

— Тогда я бы сказала, что чудеса случаются, мисс. Но поздно. Слишком поздно для всех тех, кто уже умер.

За окном снова прозвучал рог. Первый сигнал сбора.

Времени почти не осталось. Вероника схватила темный плащ и сунула в карман небольшой нож — не для пыток, а для защиты. Через полчаса войска выдвинутся к деревням. А она должна добраться туда первой.

В коридоре слышались тяжелые шаги.

— Виолетта! — голос полковника за дверью. — Время выезжать!

— Одну минуту, папа!

Вероника быстро накинула плащ и сунула в карман небольшой нож — не для пыток, а для защиты. Если ее поймают индейцы, она объяснит, кто она на самом деле. А если поймают британцы...

Тогда ей придется заплатить за грехи Виолетты собственной жизнью.

Но это была единственная возможность искупить преступления, совершенные этим телом.

Дверь распахнулась без стука.

— Что ты там делаешь? — Полковник окинул взглядом комнату и нахмурился. — Почему такой запах?

— Жгла старые бумаги.

— Какие бумаги?

— Неважные записи. — Вероника натянуто улыбнулась. — Готова к выезду.

Харрингтон что-то заподозрил. Его взгляд задержался на пустом сундуке, на пепле в камине.

— Где твои инструменты?

— Взяла только самое необходимое.

— Виолетта, — полковник подошел ближе, — если ты что-то скрываешь...

— Ничего не скрываю, папа. Просто наводила порядок.

Харрингтон еще несколько секунд изучал ее лицо, затем кивнул:

— Ладно. Но если сегодня ты подведешь меня с пленными, разговор будет серьезный.

— Не подведу.

Вероника следовала за отцом к выходу, мысленно прощаясь с комнатой. Возможно, она видит ее в последний раз. Возможно, через несколько часов будет мертва.

Но лучше умереть, пытаясь спасти невинных, чем жить, притворяясь чудовищем.

Даже если это чудовище — ты сама.

Глава 5

— Виолетта! — голос полковника за дверью. — Время выезжать!

— Одну минуту, папа!

Вероника быстро накинула плащ и выглянула в окно. Во дворе форта царила суета подготовки к войне. Солдаты выводили лошадей, проверяли оружие, грузили веревки для связывания пленных. Все готовились к резне.

Ей нужно было выбраться незамеченной. И быстро.

Дверь распахнулась без стука.

— Что ты там делаешь? — Полковник окинул взглядом комнату и нахмурился. — Почему такой запах?

— Жгла старые бумаги.

— Какие бумаги?

— Неважные записи. — Вероника натянуто улыбнулась. — Готова к выезду.

Харрингтон что-то заподозрил. Его взгляд задержался на пустом сундуке, на пепле в камине.

— Где твои инструменты?

— Взяла только самое необходимое.

— Виолетта, — полковник подошел ближе, — если ты что-то скрываешь...

— Ничего не скрываю, папа. Просто наводила порядок.

Харрингтон еще несколько секунд изучал ее лицо, затем кивнул:

— Ладно. Но если сегодня ты подведешь меня с пленными, разговор будет серьезный.

— Не подведу.

— Тогда пошли. Офицеры ждут.

Вероника следовала за отцом по коридорам форта, лихорадочно обдумывая план побега. Прямо из ворот не получится — слишком много свидетелей. Нужно дождаться подходящего момента и незаметно отделиться от отряда.

Во дворе ее ждала оседланная лошадь — вороная кобыла по кличке Леди. Виолетта, судя по всему, была хорошей наездницей. Хорошо — это пригодится.

— Мисс Виолетта, — капитан Уэсли подошел к ней, держа в руках кожаную сумку. — Ваши дорожные принадлежности.

Дорожные принадлежности для садистки. Вероника взяла сумку, стараясь не думать о том, что может быть внутри.

— Спасибо, капитан.

— Сегодня будет интересный день, — Уэсли ухмыльнулся. — Давно не видел вашей работы вживую.

— Будет на что посмотреть, — соврала Вероника.

Полковник вскочил на коня и поднял руку:

— Эскадроны! К выступлению готовь!

Тяжелые ворота форта начали открываться со скрипом. За ними простирался темный лес, укрывающий деревни делаваров. Где-то там спали люди, не подозревающие о готовящейся резне.

— Вперед! — скомандовал Харрингтон.

Отряд двинулся. Шестьдесят всадников, вооруженных до зубов. Впереди ехали офицеры, за ними — рядовые солдаты. Вероника держалась рядом с отцом, изображая покорную дочь.

Но как только отряд углубился в лес, она начала постепенно отставать. Сначала на несколько метров, потом больше. Солдаты были сосредоточены на дороге впереди, никто не обращал внимания на дочь полковника.

Через милю Вероника резко свернула с тропы и пустила кобылу галопом сквозь чащу.

Ветки хлестали по лицу, низкие сучья грозили сбросить с седла. Леди фыркала и взмахивала гривой, но послушно продиралась сквозь заросли. Где-то позади раздались крики — отряд обнаружил ее исчезновение.

— Виолетта! — рев полковника эхом отозвался в лесу. — Вернись немедленно!

Поздно, папочка. Твоя дочь-садистка больше не твоя.

Вероника гнала лошадь что есть мочи, пробираясь через бурелом и заросли. По ее расчетам, ближайшая деревня находилась в двух милях к северу. Если повезет, она успеет предупредить людей до прибытия британского отряда.

За спиной слышался топот копыт. Часть солдат пустилась в погоню.

— Мисс Харрингтон! — кричал кто-то из преследователей. — Остановитесь! Это опасно!

Опасно? Для кого — для нее или для тех, кого она пытается спасти?

Вероника перегнулась в седле, уворачиваясь от толстой ветки. Плащ зацепился за сук и порвался, но она не остановилась. Впереди мелькнул просвет между деревьями — поляна.

Кобыла выскочила на открытое место и заржала от облегчения. Здесь можно было дать полный ход. Вероника пришпорила лошадь и помчалась прямо через поляну к противоположной стороне леса.

Но на середине поляны из-за деревьев выскочили всадники. Не британские солдаты — индейцы.

Четверо воинов на раскрашенных лошадях перегородили ей путь. Луки наготове, стрелы нацелены прямо в грудь.

Вероника резко натянула поводья. Леди встала на дыбы, едва не сбросив седока.

— Стой, белая дьяволица! — крикнул один из воинов по-английски. — Слезай с лошади!

Белая дьяволица. Они узнали ее. По золотистым волосам, по лицу, по всему облику. Для них она была воплощением зла.

— Слушайте меня! — Вероника подняла руки, показывая, что безоружна. — Я не та, за кого вы меня принимаете!

— Ты — дочь полковника-убийцы! — Другой воин говорил на ломаном английском, но ненависть в его голосе была понятна без перевода. — Ты пыталась моего брата!

Твоего брата пыталась Виолетта, хотела сказать Вероника. Но как объяснить такое?

— Я пришла предупредить вас! — крикнула она. — Британцы идут! Три отряда атакуют деревни на рассвете!

Воины переглянулись. Один из них, постарше, с седой прядью в черных волосах, медленно опустил лук.

— Ты хочешь сказать, что предупреждаешь нас об атаке собственного отца?

— Да! Потому что это неправильно!

— Неправильно? — Молодой воин с шрамом на щеке расхохотался. — А пытки детей — это правильно, белая сука?

Он говорил о том мальчике. О двенадцатилетнем сыне вождя.

— Я не делала этого!

— Лжешь! — Шрамастый натянул тетиву. — Мой племянник умер от твоих рук! Три дня ты резала его как зверь!

Племянник. Тот мальчик был его племянником.

— Послушайте, — Вероника заговорила на языке делаваров, который изучала в университете. — Нданг нделаван. Я не враг.

Эффект был мгновенным. Воины застыли, как громом пораженные. Белая дьяволица говорила на священном языке.

— Откуда ты знаешь наши слова? — прошептал старший.

— Неважно откуда. Важно то, что ваши деревни в опасности. Британцы знают, где вы живете. Они убьют всех — мужчин, женщин, детей.

— Откуда им знать? — Шрамастый по-прежнему держал лук наготове. — Только ты могла выдать расположение наших деревень!

Он был прав. Виолетта выбила эту информацию из пленной женщины.

— Да, я... то есть, информацию получили от пленной. Но теперь я хочу исправить ошибку.

— Исправить? — Старший воин недоверчиво покачал головой. — Мертвых не воскресишь, белая дьяволица.

За спиной Вероники послышался топот копыт. Британские преследователи приближались.

— Нет времени на разговоры! — крикнула она. — Либо вы меня убиваете прямо сейчас, либо я помогаю спасти ваш народ!

— Лучше убить, — прорычал шрамастый. — Одной тварью меньше.

Но старший воин поднял руку:

— Подожди, Красное Копье. Возможно, духи послали ее к нам не просто так.

— Духи? — Красное Копье плюнул. — Духи не посылают демонов в помощь!

— Но демон говорит на нашем языке и предупреждает об опасности. Это странно.

Из леса выскочили британские всадники. Впереди — лейтенант Краудер с двумя сержантами.

— Мисс Харрингтон! — крикнул Краудер. — Что здесь происходит?

Индейцы мгновенно развернули лошадей и нацелили луки на британцев.

— Лейтенант, — Вероника попыталась взять ситуацию под контроль, — все в порядке. Я веду переговоры.

— Переговоры? С дикарями? — Краудер выхватил саблю. — Мисс Виолетта, отъезжайте! Мы их перережем!

— Нет! — Вероника поставила лошадь между британцами и индейцами. — Не стреляйте!

— Какого черта? — Один из сержантов уставился на нее. — Мисс, вы защищаете дикарей?

Красное Копье натянул тетиву до предела:

— Белая дьяволица играет с нами в игры! Убьем их всех!

— Стой! — Вероника развернулась к воинам. — Кемтан! Мир!

— Мисс Харрингтон, — голос Краудера стал ледяным, — немедленно отъезжайте от врагов. Это приказ.

— А если я откажусь?

— Тогда мне придется доложить полковнику о вашем странном поведении.

Старший воин внимательно наблюдал за происходящим. В его темных глазах мелькнуло понимание.

— Белая женщина, — сказал он тихо, — ты действительно хочешь помочь?

— Да.

— Тогда уезжай с этими солдатами. Но сначала скажи — сколько у нас времени?

Вероника быстро прикинула расстояние и скорость движения отряда.

— Час. Может быть, полтора.

Воин кивнул:

— Понятно. Кемтан, белая дьяволица. Мы запомним твои слова.

Он дал знак остальным, и индейцы исчезли в лесу так же внезапно, как появились.

— Что это было? — Краудер недоуменно смотрел на Веронику. — Почему вы с ними разговаривали?

— Выясняла численность их отряда.

— И что выяснили?

— Четверо разведчиков. Основные силы где-то в глубине леса.

Ложь. Но Краудер поверил.

— Отлично. Полковник будет доволен. — Лейтенант вложил саблю в ножны. — Теперь возвращаемся к отряду. И больше никаких самодеятельности, мисс Харрингтон.

Вероника покорно поехала следом за британцами. Но в душе ликовала. Она сделала это. Предупредила индейцев об опасности. Теперь у них есть час, чтобы эвакуировать деревни.

Час, чтобы спасти невинных от резни.

Когда они добрались до основного отряда, полковник Харрингтон ждал дочь с лицом грозовой тучи.

— Объясни немедленно, — рявкнул он, — что за дьявольщина тебе в голову взбрела?

— Я увидела дым и решила проверить. Думала, может быть, это сигнальные костры индейцев.

— И что обнаружила?

— Разведчиков. Четверо воинов. Лейтенант Краудер может подтвердить.

Краудер кивнул:

— Верно, сэр. Мисс Харрингтон провела блестящую разведку. Выяснила численность передового отряда.

Полковник немного смягчился:

— Ладно. Но в следующий раз предупреждай, прежде чем действовать самостоятельно.

— Конечно, папа.

— Тогда продолжаем движение. До цели два часа пути.

Два часа. А индейцы уже знают об опасности. У них есть фора.

Отряд снова двинулся по лесной тропе. Вероника ехала рядом с отцом, изображая покорную дочь. Но внутри нее бушевал ураган эмоций.

Она сделала первый шаг. Предупредила врагов о нападении. Предала собственную семью ради спасения чужих.

И странное дело — она не чувствовала угрызений совести. Наоборот, впервые за время пребывания в этом теле ощущала что-то похожее на облегчение.

Возможно, искупление действительно было возможным. Даже для тех, кто носил лицо чудовища.

— Виолетта, — полковник вдруг повернулся к ней, — а ты готова к сегодняшней работе?

Работе с пленными.пыткам.

— Да, папа. Готова.

Еще одна ложь. Но Вероника была готова лгать сколько угодно, если это поможет спасти человеческие жизни.

Даже если эти жизни принадлежали врагам ее новой семьи.

Глава 6

Деревня Аленошене встретила рассвет пустотой.

Отряд полковника Харрингтона выскочил из леса в полной боевой готовности — сабли наголо, мушкеты заряжены, лошади в мыле от галопа. Но атаковать было некого.

Вигвамы стояли нетронутыми, костры еще дымились, но люди исчезли. Словно земля разверзлась и поглотила их.

— Какого черта? — рявкнул капитан Уэсли, осадив коня посреди пустой деревни. — Где все?

Полковник Харрингтон слез с лошади и подошел к ближайшему вигваму. Откинул шкуру, служившую дверью, и заглянул внутрь.

— Недавно ушли, — констатировал он. — Очаги еще теплые. Вещи на месте, но людей нет.

— Сэр, — сержант Макбрайд указал на землю, — следы ведут к северу. Много людей, включая детей. Ушли в спешке.

Вероника сидела в седле, стараясь скрыть облегчение. План сработал. Индейцы поверили ее предупреждению и эвакуировали деревню. Никто не пострадал.

— Они знали, — полковник повернулся к офицерам. — Кто-то их предупредил.

— Возможно, наших разведчиков заметили? — предположил лейтенант Краудер.

— Вряд ли. Мы двигались скрытно. — Харрингтон нахмурился. — Либо у них есть шпион в форте, либо...

Его взгляд упал на Веронику. В серых глазах мелькнуло подозрение.

— Папа? — Вероника постаралась изобразить недоумение. — Что случилось?

— Ничего. Пока ничего. — Полковник отвернулся. — Сержант Макбрайд! Взять направление по следам. Может быть, догоним беглецов.

— Есть, сэр!

Отряд снова двинулся, на этот раз по следам ушедших индейцев. Вероника ехала позади, мучительно размышляя. Отец начинал что-то подозревать. Ее странное поведение, побег к разведчикам, а теперь — пустая деревня. Слишком много совпадений.

Через час погони стало ясно, что беглецы оторвались. Следы терялись в каменистой местности, где отследить направление было невозможно.

— Сэр, — доложил Макбрайд, — след потерян. Они знали, куда идти.

— Черт, — выругался полковник. — Ладно, проверим другие деревни. Может быть, там повезет больше.

Но повезло не больше. Вторая деревня тоже оказалась пустой. И третья. Везде одна картина — брошенные жилища, потухшие костры, свежие следы поспешного отхода.

К полудню стало ясно, что операция провалилась. Вместо победной резни — пустые вигвамы. Вместо десятков пленных для допросов — ни одного живого индейца.

— Кто-то их предупредил, — полковник стоял посреди третьей пустой деревни, и голос его звучал зловещее. — И я знаю кто.

Офицеры переглянулись. Атмосфера накалялась.

— Сэр? — осторожно спросил капитан Уэсли.

— У нас предатель, джентльмены. Кто-то передал дикарям информацию о нашем нападении.

— Но как? — Краудер покачал головой. — Планы знали только офицеры. Неужели кто-то из нас...

— Не из офицеров, — Харрингтон медленно повернулся к дочери. — Виолетта, подойди ко мне.

Сердце Вероники ухнуло в пятки. Но она заставила себя спокойно слезть с лошади и подойти к отцу.

— Да, папа?

— Расскажи мне еще раз о своей встрече с разведчиками.

— Я уже рассказывала...

— Расскажи еще раз. Подробно.

Вероника повторила свою версию — как увидела дым, поехала проверить, наткнулась на четверых воинов, выяснила их численность.

— И ты с ними не разговаривала?

— Только то, что услышал лейтенант Краудер.

— А на каком языке?

Ловушка. Вероника почувствовала, как пересохло в горле.

— На английском, конечно.

— Странно. — Полковник сделал шаг ближе. — Потому что сержант Макбрайд слышал, как ты говорила что-то на их языке.

Дерьмо. Кто-то из британцев знал индейские языки достаточно, чтобы отличить их от английского.

— Я... я сказала несколько слов, которые слышала от пленных. Думала, это поможет их напугать.

— Какие слова?

Вероника лихорадочно вспоминала. Что она говорила? "Кемтан" — мир. "Нданг нделаван" — я не враг.

— Точно не помню. Что-то вроде угроз.

— Покажи.

— Что?

— Покажи, что ты им говорила. Скажи на их языке.

Западня. Если она скажет что-то на делаварском, отец поймет, что ее знания выходят за рамки нескольких случайно услышанных слов. А если откажется...

— Я не помню точно...

— Виолетта, — голос полковника стал опасным, — я задаю вопрос в последний раз. Что ты говорила дикарям?

Вокруг собрались офицеры. Все смотрели на нее, ожидая ответа. В их глазах читались подозрения.

— Я говорила... — Вероника сделала паузу, отчаянно думая. — Я сказала "умрешь", если не ошибаюсь.

— На их языке?

— Да.

— Как именно это звучит?

Черт. Вероника не знала, как "умрешь" звучит на делаварском. Она изучала мирную лексику — приветствия, названия предметов, базовые фразы. Военная терминология оставалась белым пятном.

— Сложно передать их произношение...

— Попробуй.

— Папа, зачем эти игры? — Вероника попыталась взять инициативу. — Важно ли, что именно я им говорила? Главное, что выяснила их численность.

— Важно, — Харрингтон сделал еще шаг. — Потому что сержант Макбрайд не только слышал твои слова. Он понял их смысл.

О нет.

— Сержант, — полковник обратился к Макбрайду, — повтори, что сказала моя дочь индейцам.

Макбрайд вышел вперед. Грузный шотландец с рыжей бородой, он служил в колониях уже двадцать лет и знал несколько местных языков.

— Сэр, она сказала "я не враг" и "мир". На чистом делаварском.

Тишина. Все офицеры уставились на Веронику.

— "Я не враг"? — полковник повторил медленно. — "Мир"? Это не звучит как угрозы, дочка.

— Может быть, я ошиблась в переводе...

— Нет, — Харрингтон покачал головой. — Ты не ошиблась. Ты прекрасно знала, что говоришь. Вопрос — откуда у дочери британского офицера такие знания языка дикарей?

— Я изучала...

— Где? Когда? В Лондоне не преподают язык делаваров.

Вероника поняла, что загнана в угол. Любой ответ выдаст ее. Она не могла объяснить, откуда знает язык, не выдав правду о своем происхождении.

— Я... я учила у пленных. Во время допросов.

— Ложь, — отрезал полковник. — За годы твоей работы с пленными ты ни разу не интересовалась их языком. Ты интересовалась только их криками.

Капитан Уэсли положил руку на эфес сабли:

— Сэр, возможно, следует провести более детальный допрос?

— Возможно, — Харрингтон кивнул. — Но сначала проверим еще одну теорию.

Он подошел к ближайшему вигваму и указал на знаки, нанесенные на шкуру красной краской.

— Виолетта, что это означает?

Вероника взглянула на символы. Она изучала их в университете — это были обозначения рода и статуса семьи.

— Не знаю.

— Нет, знаешь. Я вижу это по твоим глазам. Ты узнала символы.

Проклятие. Отец был опытным допросчиком и умел читать лица.

— Я могу только предполагать...

— Предположи.

— Возможно, это знак рода?

— Какого рода?

— Клана Черепахи, если не ошибаюсь.

Макбрайд присвистнул:

— Верно, сэр. Клан Черепахи племени делаваров.

Тишина стала гнетущей. Все смотрели на Веронику как на диковинного зверя.

— Дочка, — полковник говорил теперь очень тихо, — ты не только знаешь их язык, но и умеешь читать их символы. Это не те знания, которые получают во время пыток пленных.

— Папа, я могу объяснить...

— Объясни.

— Я... — Вероника отчаянно искала правдоподобную версию. — Я изучала их обычаи, чтобы лучше понимать слабости. Знать врага — значит победить его.

— Благородная мысль, — кивнул Харрингтон. — Но есть одна проблема.

— Какая?

— Сегодня утром ты сказала Молли, что больше не хочешь заниматься пытками. Что хочешь проявлять христианское милосердие.

Черт. Служанка рассказала обо всем.

— Я просто устала...

— А еще ты сожгла все свои инструменты. И дневник. И коллекцию трофеев.

— Как ты узнал?

— Молли пришла ко мне после твоего отъезда. Сказала, что боится за твое душевное здоровье. — Полковник сделал паузу. — Она права. С тобой что-то происходит, Виолетта. Что-то очень странное.

Вероника поняла, что игра окончена. Можно сочинять версии сколько угодно, но отец уже сложил два и два.

— Хорошо, — сказала она. — Ты прав. Я предупредила индейцев о нападении.

Офицеры ахнули. Кто-то выругался. Уэсли выхватил саблю.

— Почему? — только и спросил полковник.

— Потому что убивать невинных людей неправильно.

— Невинных? — Харрингтон рассмеялся, но смех был полон ярости. — Они убили лейтенанта Уитмора! Они убили десятки поселенцев!

— А мы убили сотни их людей! Включая детей!

— Это война, дочка!

— Нет, — Вероника покачала головой. — Это геноцид.

Слово "геноцид" было еще неизвестно в XVIII веке, но его смысл был понятен.

— Кто ты? — тихо спросил полковник. — Моя дочь никогда не сказала бы таких слов.

— Я твоя дочь. Просто изменившаяся.

— Люди не меняются так кардинально за одну ночь. — Харрингтон подошел вплотную. — Что с тобой произошло, Виолетта?

Вероника смотрела в глаза человеку, который был одновременно ее отцом и врагом. Рассказать правду? Но кто поверит в историю о путешествии во времени?

— Я просто поняла, что делала неправильные вещи.

— Неправильные? Ты спасала жизни британских солдат!

— Ценой жизней невинных людей.

— Капитан Уэсли, — полковник не сводил глаз с дочери, — арестуйте ее.

— Сэр?

— Вы слышали. Арестуйте предательницу.

Уэсли нерешительно приблизился:

— Мисс Виолетта, прошу вас сложить оружие и следовать за мной.

— У меня нет оружия.

— Тогда просто следуйте.

Вероника посмотрела на отца в последний раз:

— Ты пожалеешь об этом, папа.

— Единственное, о чем я жалею, — это что не понял раньше, кем ты стала.

Солдаты связали ей руки. Посадили на лошадь под охраной. Начался долгий путь обратно в форт.

Но Вероника не жалела о содеянном. Три деревни спасены. Десятки, может быть, сотни людей остались живы.

Это стоило предательства. Это стоило ареста.

Возможно, это даже стоило жизни.

Глава 7

Камера в подвале форта пахла сыростью, мочой и старой кровью. Вероника сидела на гнилой соломе, прислонившись спиной к каменной стене, и думала о том, что еще вчера в этой же камере умирала в агонии индейская женщина. От рук Виолетты.

Теперь дочь палача сама стала пленницей.

Руки были связаны грубой веревкой, лодыжки — скованы цепью, прикрепленной к кольцу в стене. Полковник не рисковал — даже собственную дочь держал как опасную преступницу.

За толстой дубовой дверью слышались голоса. Офицеры совещались, решая ее судьбу. Время от времени разговор переходил на крик — видимо, мнения разделились.

Вероника закрыла глаза и попыталась не думать о том, что ее ждет. В XVIII веке предательство каралось смертью. Особенно во время войны. Особенно когда предатель — член семьи командира.

Тяжелые шаги в коридоре. Лязг ключей. Дверь распахнулась, и в камеру вошел полковник Харрингтон. Один.

— Виолетта.

— Папа.

Он подошел ближе и опустился на корточки перед дочерью. В свете факела его лицо казалось измученным.

— Последний раз спрашиваю — что с тобой произошло?

— Я же сказала. Изменилась.

— За одну ночь? Из садистки в защитницу дикарей?

— Люди иногда прозревают.

Харрингтон покачал головой:

— Нет. Так не бывает. Ты либо сошла с ума, либо... — он сделал паузу, — либо ты не моя дочь.

Не твоя дочь. Если бы он знал, как близко к истине.

— Я та же Виолетта, которая выросла в этом форте.

— Докажи.

— Как?

— Расскажи что-нибудь, что знала только моя дочь.

Ловушка. Вероника знала о Виолетте только то, что прочитала в архивах. Семейных тайн, детских воспоминаний, интимных разговоров — ничего этого у нее не было.

— Я помню, как мама умирала от лихорадки, — попробовала она.

— Это знает весь форт. Что-то личное.

— Папа, зачем эти игры? Важно не то, кто я, а то, что я сделала правильно.

— Правильно? — Полковник резко встал. — Ты предала собственную семью! Собственную страну!

— Я спасла невинных людей.

— Невинных? — Харрингтон рассмеялся, но смех был полон боли. — Эти "невинные" убили твою мать, Виолетта. Или ты забыла?

Что? Вероника удивленно посмотрела на отца. В архивах говорилось, что жена полковника умерла от болезни.

— Мама умерла от лихорадки...

— Мама умерла от отравленной стрелы, — отрезал Харрингтон. — Во время нападения на наш обоз три года назад. Тебе было шестнадцать. Ты держала ее за руку, когда она умирала.

Вероника почувствовала, как мир поплыл перед глазами. Она не знала этой истории. В официальных документах причиной смерти указывалась болезнь.

— Я... я плохо помню тот день...

— Не помнишь? — Полковник присел снова, на этот раз совсем близко. — Ты поклялась над ее телом, что отомстишь каждому дикарю в этих лесах. Ты сказала мне: "Папа, я буду убивать их до тех пор, пока не останется ни одного".

Клятва над телом матери. Вот откуда взялась жестокость Виолетты.

— Люди говорят разные вещи в горе...

— А потом ты сдержала слово, — продолжал полковник. — Первого дикаря ты убила в семнадцать. Собственными руками. Помнишь?

— Нет...

— Молодой воин, который участвовал в нападении на обоз. Мы поймали его через месяц. Ты требовала, чтобы я позволил тебе отомстить лично.

Харрингтон говорил с болью человека, который вспоминает дорогие моменты:

— Ты была так прекрасна в своей ярости, дочка. Такая решительная. Такая безжалостная. Я гордился тобой.

Гордился дочерью-убийцей. Каким монстром был этот человек?

— Папа, даже если все это правда...

— Если? — Харрингтон схватил ее за подбородок, заставляя смотреть в глаза. — Ты забыла даже это? Тогда напомним подробности.

Его голос стал жестким:

— Ты связала его в этой же камере. Раздела догола. И резала ножом три часа, пока он не умер от потери крови. А когда все закончилось, ты плакала. Не от жалости — от радости. Ты сказала мне: "Папа, я чувствую, что мама может теперь покоиться с миром".

Вероника содрогнулась. Виолетта мстила за мать. Это объясняло ее садизм — не врожденную жестокость, а направленную ненависть.

— И после этого, — продолжал полковник, — ты говоришь мне о невинных дикарях? О христианском милосердии?

— Месть не воскресит маму.

— Нет. Но она дает смысл жизни. — Харрингтон отпустил ее лицо. — Или давала. До сегодняшнего дня.

Он встал и отошел к двери:

— Офицеры требуют военного трибунала. За государственную измену полагается расстрел.

— И ты согласишься?

— Я не знаю, что делать, — впервые в голосе полковника прозвучала человеческая слабость. — Если ты моя дочь, я не могу тебя убить. Если ты не моя дочь... тогда кто ты?

Вероника посмотрела на мужчину, который был одновременно ее врагом и отцом тела, в котором она жила.

— Я тот, кем должна была стать Виолетта. Если бы выбрала прощение вместо мести.

— Прощение? — Харрингтон остановился у двери. — Ты хочешь, чтобы я простил убийцу твоей матери?

— Я хочу, чтобы ты перестал убивать невинных людей ради мертвых.

— Они не невинные!

— Дети невинные. Женщины невинные. Старики невинные.

— Дети вырастают воинами. Женщины рожают воинов. Старики их учат.

Логика геноцида. Вероника слышала такие аргументы в исторических документах. Всегда одни и те же оправдания для массовых убийств.

— Папа, послушай себя. Ты говоришь как...

— Как что?

— Как человек, который потерял душу.

Тишина. Полковник стоял спиной к ней, и Вероника видела, как напряглись его плечи.

— Душу я потерял три года назад. Вместе с женой. — Он повернулся. — А ты была единственным, что у меня осталось. Единственным человеком, который понимал мою боль.

— Я понимаю твою боль. Но я не буду убивать ради нее.

— Тогда ты мне больше не дочь.

Слова прозвучали как приговор.

— Папа...

— Завтра трибунал. Готовься к смерти.

Харрингтон направился к выходу, но остановился у порога:

— Кстати, сегодня ночью мы нашли их новый лагерь. Тех, кого ты спасла. Завтра на рассвете нападём снова.

Сердце Вероники екнуло:

— Как нашли?

— Один из беглецов отстал от группы. Старик. Еле ноги волочил. — Полковник усмехнулся. — Мы его допросили. Очень убедительно.

— Ты убил старика?

— Я узнал, где прячутся остальные. Результат важнее методов.

— Папа, не делай этого!

— Слишком поздно. Приказы уже отданы. На рассвете отряд выдвигается к их новому лагерю. — Харрингтон сделал паузу. — Интересно, попытаешься ли ты снова их предупредить?

Издавательство. Из камеры она никого не предупредит.

— А знаешь, что самое забавное? — продолжал полковник. — В новом лагере есть дети. Много детей. Те самые невинные, за которых ты переживаешь.

— Папа, прошу тебя...

— Прощения больше не будет, дочка. Ни для них, ни для тебя.

Дверь захлопнулась. Ключ повернулся в замке. Вероника осталась одна в камере, где еще недавно умирала жертва Виолетты.

Но хуже одиночества была беспомощность. Где-то в лесу индейцы устраивались на ночлег в новом лагере, думая, что в безопасности. А на рассвете их найдет смерть.

И она ничего не может сделать.

Вероника попыталась освободиться от веревок, но узлы были затянуты профессионально. Попыталась разорвать цепь — бесполезно. Кричала, звала на помощь — никто не отвечал.

Часы тянулись бесконечно. За маленьким зарешеченным окошком темнота постепенно сменялась серым предрассветным светом.

Где-то наверху слышались приготовления к выезду. Лязг оружия, ржание лошадей, команды офицеров. Еще одна резня готовилась начаться.

И снова Вероника была бессильна ее остановить.

Но внезапно она услышала что-то еще. Тихие шаги в коридоре. Кто-то приближался к камере. Не тяжелая поступь солдат — легкие, осторожные шаги.

Ключ повернулся в замке. Дверь медленно приоткрылась.

— Мисс Виолетта? — шепот Молли. — Вы здесь?

— Молли? Что ты делаешь?

Служанка проскользнула в камеру с небольшим ножом в руке:

— Я пришла вас освободить.

— Зачем?

— Потому что вы изменились. И это хорошие перемены. — Молли начала перерезать веревки. — А еще потому, что мой брат служит разведчиком у индейцев.

— Что?

— Он ирландец, как и я. Британцы убили наших родителей. Теперь он воюет против них. — Веревки упали. — И он сказал мне, что вы предупредили его людей об атаке.

Брат Молли — ирландский дезертир, перешедший на сторону индейцев. Таких было немало.

— Молли, если тебя поймают...

— Меня повесят. Знаю. — Девушка принялась за цепи на ногах. — Но не могу смотреть, как убивают невинных детей.

Цепи лязгнули, падая на пол.

— Быстро, — прошептала Молли. — У нас мало времени. Через час отряд выступает.

Вероника поднялась на ноги. Ноги затекли, но держали.

— Как мы выберемся?

— Через кухню. Там есть потайной ход. Мой брат показал мне на случай опасности.

Они выскользнули из камеры и прокрались по темному коридору. Наверху слышался шум приготовлений — никто не обращал внимания на подвал.

В кухне Молли отодвинула тяжелый стол, открыв люк в полу:

— Туннель ведет к реке. Оттуда сможете добраться до лагеря.

— А ты?

— Я останусь. Должна замести следы.

Вероника обняла девушку:

— Спасибо.

— Спасайте детей, мисс Виолетта. Ради них стоит рискнуть.

Вероника спустилась в туннель. Последнее, что она увидела, — лицо Молли, полное решимости и страха.

Теперь у нее был шанс. Последний шанс предотвратить резню.

Даже если ради этого придется пожертвовать собственной жизнью.

Глава 8

Вероника выбралась из туннеля у самой реки, когда небо на востоке начало светлеть. Тело ломило после ночи в камере, руки были исцарапаны о камни подземного хода, но времени на отдых не было. Где-то в двух милях отсюда спали люди, не подозревая о надвигающейся смерти.

Она бежала по берегу, спотыкаясь о коряги и скользкие камни. Легкие горели, сердце колотилось как бешеное, но она не останавливалась. В голове звучал голос полковника: "В новом лагере есть дети. Много детей".

Дети, которые умрут на рассвете.

Лес постепенно просыпался. Где-то вдали прокричала сова, в кустах зашуршал мелкий зверек. А еще дальше, совсем тихо, слышался топот копыт — британский отряд уже выдвигался.

Вероника свернула с берега в чашу, ориентируясь по солнцу. Лагерь беженцев должен был находиться в лощине между холмами — там, где протекал ручей и росли большие дубы. Идеальное место для укрытия.

Или для резни.

На вершине холма Вероника остановилась, тяжело дыша. Внизу, в небольшой долине, виднелись временные укрытия беженцев. Шалаши из веток, натянутые шкуры, несколько палаток. Дым от костров поднимался тонкими струйками в утреннем воздухе.

И люди. Десятки людей — мужчины, женщины, дети, старики. Те самые "невинные дикари", которых хотел убить ее отец.

Вероника начала спускаться, но не успела сделать и десяти шагов, как из-за деревьев выскочили двое воинов. Луки натянуты, стрелы нацелены прямо в сердце.

— Стой, белая! — крикнул один из них. — Еще шаг — и умрешь!

Вероника подняла руки:

— Нданг нделаван! Я не враг!

Воины переглянулись. Один из них — молодой, со шрамом на щеке — прищурился:

— Белая дьяволица говорит на нашем языке? Какое колдовство!

— Я пришла предупредить вас! Британцы идут!

— Лжешь! — второй воин, постарше, с седой прядью в черных волосах, натянул тетиву сильнее. — Ты ведешь их за собой!

— Нет! Слушайте меня! У вас есть минуты!

В лагере внизу послышался переполох. Кто-то заметил их на склоне и поднял тревогу. К ним поднимались еще воины.

— Даже если ты говоришь правду, — молодой воин с яростью смотрел на нее, — зачем нам тебе верить? Ты убила моего племянника! Маленького мальчика!

— Я не убивала!

— Ложь! У тебя то же лицо! Те же руки! — Он почти кричал от боли. — Ты резала его три дня! Три дня он звал меня на помощь!

Племянник. Тот четырехлетний мальчик из дневника Виолетты.

— Мне жаль...

— Жаль? — Воин расхохотался, но смех был полон безумия. — Тебе жаль?

Из лагеря к ним поднимались новые люди. Впереди шел пожилой индеец в расшитой рубахе — явно один из вождей.

— Красное Копье, что здесь происходит? — спросил он.

— Белая дьяволица, старейшина, — ответил воин со шрамом. — Утверждает, что британцы идут сюда.

Старейшина внимательно изучил Веронику:

— Зачем дочери полковника-убийцы нас предупреждать?

— Потому что убивать детей неправильно!

— Неправильно? — Красное Копье плюнул. — А пытаться детей правильно?

Вдали послышался звук — едва различимый, но для индейского уха ясный. Топот копыт.

— Они идут, — прошептал старший воин.

Старейшина мгновенно преобразился:

— Быстро! Всех в лес! Женщин и детей — к северному склону! Воинов — прикрывать отход!

Лагерь взорвался движением. Люди хватали самое необходимое, тушили костры, разбирали укрытия. Дети плакали, женщины их успокаивали, мужчины готовили оружие.

— А ее что делать? — Красное Копье указал на Веронику.

— Убить, — сказал кто-то из воинов. — Она все равно нас выдаст.

— Нет! — Вероника отступила на шаг. — Я помогу вам!

— Как?

— Я знаю тактику британцев! Знаю, как они атакуют!

И вдруг из-за деревьев появился ОН.

Вероника почувствовала, как мир остановился. Как воздух стал густым и тяжелым. Как сердце пропустило удар.

Мужчина был воплощением первобытной мощи и опасности. Высокий, широкоплечий, с мускулатурой, выточенной годами войны. Длинные черные волосы развевались на ветру, а от виска к подбородку тянулся шрам — след какой-то старой битвы. Но не шрам приковывал внимание.

Глаза. Темные, почти черные, полные такой ненависти, что Вероника едва не отшатнулась. В этих глазах плескалась вся боль мира, вся ярость израненного зверя. И красота. Дикая, первобытная красота хищника.

Он двигался как пантера — бесшумно, грациозно, готовый к прыжку. Каждая линия его тела говорила о смертельной опасности. На поясе висел томагавк, рукоять которого была темной от крови.

— Почему белая дьяволица еще жива? — голос звучал как рычание разъяренного волка.

Вероника не могла пошевелиться. Не могла дышать. Этот мужчина был самым прекрасным и самым страшным существом, которое она когда-либо видела.

— Она предупредила нас об атаке, — ответил старейшина.

— Ловушка.

Он сделал шаг к Веронике, и она почувствовала исходящую от него опасность как физическую силу. Мускулы под темной кожей перекатывались как у готового к прыжку хищника.

— Ты, — он ткнул в нее пальцем, и даже этот жест был полон угрозы, — убила моего сына.

Сын. Не племянник — сын.

— Маленького Орла. Ему было четыре года, — продолжал он, и голос его дрожал от едва сдерживаемой ярости. — Ты резала его ножом. Медленно. Он звал папу, но я не мог прийти.

Вероника почувствовала, как из глаз потекли слезы. Этот прекрасный, страшный мужчина потерял ребенка. От рук той, чье лицо она носила.

— Мне жаль, — прошептала она. — Мне так жаль...

— Жаль? — Он шагнул ближе, и она почувствовала жар его тела, запах кожи и дыма. — Тебе жаль?

Внезапно его рука метнулась вперед и сжала ее горло. Пальцы были сильными, как железные тиски. Вероника увидела свою смерть в его темных глазах.

— Три дня он умирал, — шептал он, и дыхание его коснулось ее губ. — Три дня ты играла с ним, как кошка с мышью. А теперь говоришь "жаль"?

Она не могла дышать, но не могла и отвести взгляд. Даже в ярости он был прекрасен. Даже убивая ее, он был самым красивым мужчиной, которого она видела.

— Черный Ястреб! — рявкнул старейшина. — Британцы идут!

Из леса выскочили всадники. Десятки всадников в красных мундирах, с саблями наголо. Впереди — полковник Харрингтон.

— Дикари! — заорал он. — Окружить лагерь! Никого не упускать!

Но вместо того чтобы отпустить Веронику, Черный Ястреб только сильнее сжал пальцы на ее горле.

— Ты идешь со мной, белая дьяволица, — прорычал он. — Будешь отвечать за каждую слезу моего сына.

— Черный Ястреб,пусти ее! — закричал старейшина. — Нужно спасать людей!

— Нет, — глаза воина горели безумием мести. — Она — мой трофей. Моя добыча.

Он выхватил кожаный ремень и грубо связал Веронике руки за спиной. Веревка врезалась в кожу, но она не посмела пикнуть.

— Прошу тебя, — прошептала она, — помоги своим людям...

— Мои люди справятся, — он швырнул ее на землю, как мешок. — А ты будешь платить за своих.

Красное Копье подвел лошадь — крупного вороного жеребца.

— Бери ее, — бросил он Черному Ястребу. — Пусть полковник увидит, что стало с его драгоценной дочкой.

Черный Ястреб поднял Веронику и швырнул животом через седло. Кровь прилила к голове, ребра болезненно впились в кожу седла.

— Так ездят рабыни, — сказал он равнодушно и привязал ее ремнем к седлу. — Так будешь ездить и ты.

— Виолетта! — голос полковника прорезал шум битвы.

Харрингтон увидел дочь, связанную как убитая дичь, и его лицо исказилось от ярости.

— Отпустите ее, ублюдки! — заревел он, прищипывая коня.

Черный Ястреб вскочил в седло позади Вероники и рванул поводья. Лошадь понеслась прочь от сражения, а Вероника болталась на седле, как куль с зерном.

— Стой! — кричал полковник позади. — Верни мою дочь!

Но Черный Ястреб только засмеялся — диким, торжествующим смехом.

— Твоя дочь теперь моя, убийца! — крикнул он через плечо. — Как моя семья была твоей!

Они мчались сквозь лес, и ветки хлестали Веронику по лицу. Голова раскалывалась от притока крови, тело ныло от неудобного положения, но хуже всего была паника.

Что он с ней сделает? Какую месть придумает для убийцы своего сына?

— Прошу тебя, — прохрипела она, — не отдавай меня отцу...

Черный Ястреб резко натянул поводья, и лошадь остановилась. Он слез с седла и грубо стащил Веронику наземь. Она упала на колени, не сумев удержать равновесие.

— Что ты сказала? — в его голосе было опасное любопытство.

— Не отдавай меня полковнику. Прошу.

— Почему? — Он присел перед ней на корточки, и Вероника увидела в его глазах жестокую заинтересованность. — Боишься папочкиного гнева?

— Он меня казнит. За предательство.

— И что? — Черный Ястреб усмехнулся. — Разве ты не заслуживаешь смерти?

— Заслуживаю, — тихо сказала Вероника. — Но не от его рук.

Воин нахмурился. Что-то в ее словах его удивило.

— Тогда от чьих? — спросил он. — От моих?

Вероника подняла на него глаза:

— Если нужно... да.

Черный Ястреб долго смотрел на нее, пытаясь понять. Потом резко поднялся и направился к лошади.

— Посмотрим, — бросил он. — Сначала ты ответишь за своих преступления. Все до единого.

Он снова швырнул ее на седло и привязал еще крепче. На этот раз веревка врезалась в кожу до крови.

— Добро пожаловать в ад, белая дьяволица, — прошептал он ей на ухо. — Мой личный ад.

Вместо ответа Вероника лежала связанная на седле, мчась прочь от битвы в плену у человека, который ненавидел ее больше жизни. В ушах звенели его слова: "Добро пожаловать в ад, белая дьяволица. Мой личный ад".

А в груди билось сердце, которое трепетало от страха и от чего-то еще. Чего-то темного и запретного, что она не хотела признавать.

Где-то далеко позади гремели выстрелы, кричали люди, умирали солдаты и воины. А она мчалась навстречу неизвестности, привязанная к седлу самого прекрасного и самого опасного мужчины, которого она когда-либо встречала.

Мужчина, который обещал ей личный ад.

Глава 9

Черный Ястреб мчался сквозь лес с белой дьяволицей, привязанной к седлу, и в его груди клокотала ярость, способная спалить весь мир. Четыре года он видел во снах лицо своего сына, слышал его предсмертные крики. И вот она — убийца его мальчика — болталась на седле, как убитая дичь.

Жеребец летел по знакомым тропам, и воин чувствовал, как дрожит тело пленницы. Вербки врезались ей в кожу до крови, и темные пятна расплзались по белому платью. Хорошо. Кровь убийцы должна течь.

Через час они достигли скрытого ущелья, где племя разбило временный лагерь. Высокие скалы надежно укрывали от глаз врагов, а единственный проход легко было защитить.

Лагерь делаваров раскинулся в долине, как живой организм. Десятки вигвамов из бизоньих шкур и березовой коры стояли кругами, образуя семейные кланы. В центре пылал большой костер — сердце племени, вокруг которого собирались для советов и церемоний. Дым поднимался к небу, неся молитвы Великому Духу.

Делавары — народ, который сами себя называли "ленни ленапе", что означало "настоящие люди". Они были старейшим племенем этих земель, дедами и учителями других индейских народов. Их предки жили здесь, когда белые люди еще не знали о существовании этого континента.

Воины, оставшиеся охранять лагерь, выскочили навстречу с оружием наготове. Это были мужчины разных возрастов — от юношей, проходящих испытания воинов, до седых ветеранов, покрытых шрамами от бесчисленных битв. Их тела были раскрашены охрой и углем — символы силы, защиты, охоты.

Увидев пленницу, они заулюлюкали — боевой клич победы, который эхом отозвался от скал.

— Черный Ястреб принес трофей! — закричал молодой воин по имени Быстрый Олень. — Белую дьяволицу!

Крик разнесся по лагерю, и люди начали выбираться из вигвамов. Женщины в длинных платьях из оленьей кожи, украшенных бисером и перьями. Старики в церемониальных одеждах, хранители древней мудрости. Дети всех возрастов — от младенцев за спинами матерей до подростков, уже начинающих постигать воинские навыки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.